

Д.А. Сафонов

Кадры провинциальной милиции 1930-х годов: социальный портрет¹

Dmitry A. Safonov

Provincial militia personnel of the 1930s: a social portrait

История органов внутренних дел России в XX веке имеет достаточно богатую историографию¹. Советская историография была преимущественно комплиментарна, и история милиции излагалась как успешный процесс развития и совершенствования. В начале 2000-х гг. в рамках 200-летия МВД особое внимание стало уделяться истории органов милиции на местах. Так, по южноуральскому региону выходили сборники статей научно-практических конференций и очерки истории милиции отдельных субъектов². Это прибавляло много деталей и подробностей к теме в целом, но основной вектор изложения оставался неизменным; некоторой новацией можно полагать появление в общем повествовании сюжетов, ранее не выделявшихся: трудности становления в 1920-е гг., репрессии 1937 г. и иных. Вопрос о кадрах милиции если и затрагивался, то отдельные цифровые показатели использовались в качестве иллюстраций к основным выводам. Повествование о постоянно растущей и развивающейся системе подготовки кадров (школы милиции, вузы, факультеты) априори подтверждало постоянный рост качества подготовки кадров и успешность кадровой политики в целом.

Если ограничить проблему применительно к 1930-м гг., то на современном этапе практически все авторы, касавшиеся этой темы, берут кадровую политику в сочетании с финансированием и профессиональным образованием³. Даже в тех случаях, когда исследование кадрового состава в 1930-е гг. заявлялось как основная задача, авторы ограничивались освещением таковой через анализ нормативных документов⁴. Касавшиеся темы юристы по понятным мотивам основное внимание уделяли организационно-правовым вопросам. Впрочем, элемент комплиментарности сохранился; только теперь авторы вариативны в определении того качественного рубежа, когда

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132-II <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

кадровый состав стабилизировался и стал работать эффективно: в начале 1920-х⁵, к середине 1920-х гг.⁶, к середине 1930-х гг.⁷, к началу войны⁸.

Существует и альтернативное мнение: проблема комплектования кадров советской милиции оставалась актуальной на протяжении всего межвоенного периода⁹. Идущие в отечественной историографии споры о выдвигенчестве как кадровой политике 1930-х гг. по сути обходят тему милиции стороной. Ю.Д. Зайцева считала выдвигенчество и чистку «средствами совершенствования кадровой политики», но приводимые в статье единичные примеры не давали убедительного подтверждения тезиса, тем более, что другой тезис – такие методы были «эффективными способами осуществления общественного контроля» за милицией «широкими массами рабочих и крестьян» – кажется нам вообще надуманным, как и сама идея «общественного контроля» в 1930-х гг.¹⁰. Более верным представляется мнение Т.А. Орнацкой, утверждавшей, что комплектование кадров в милиции происходило исключительно из политической целесообразности¹¹, с некоторой корректировкой: по ее мнению, что это наблюдалось в 1920-е гг.; мы же полагаем, что суждение верно и для последующего периода.

Причины отмеченных расхождений кроются, прежде всего, в ограниченности источниковой базы. Вопрос привлеченных источников освещается авторами крайне скупно и неконкретно: «изучение широкого круга источников, выявленных автором в центральных и региональных архивах, позволило...»¹²; «анализ архивных источников»¹³; «опираясь на данные архивных источников, монографий и иные сведения»¹⁴.

Вероятно, одной из немногих работ не просто со статистикой, но подкрепленной источниками, является статья Г.Т. Камаловой, пытавшейся дать «характеристику состояния кадров милиции» на основе данных проведенного Главным управлением РКМ [рабоче-крестьянской милиции] обследования управлений милиции губерний и областей (Автор опиралась на данные из публикации: Состояние и работа местных органов НКВД // Административный вестник. 1930. № 4.). Но следует указать, что опубликованы были данные только по 13 регионам: столицы, Сибирь, Нижняя Волга не были представлены вообще, Средне-Волжский край (куда входило Оренбуржье) – частично¹⁵. Там же делался вывод, что в конце 1920-х гг. начальники милиции и руководители уголовного розыска в своем большинстве происходили из крестьян, более 90% имели начальное образование. В 1929 г. только 25% начальников районных отделений прошли профессиональную подготовку¹⁶. Подводя итог анализу состава милиции Уральской области в конце 1920-х гг., автор статьи заключает,

что «среднестатистический» милиционер малообразован, беспартиен, из крестьян, со стажем работы в органах менее года¹⁷.

Мы полагаем, что исследования, в той или иной форме поднимавшие вопрос о кадрах милиции, сводились к рассмотрению их материального обеспечения и образования не только по выбору авторов, но и по объективным причинам. Основным, базовым источником по кадрам должны быть и являются личные дела, которые находятся в региональных архивах УВД на особом режиме хранения. Но существуют также личные дела номенклатуры в фонде обкома партии партийного архива (в нашем случае это фонд 371 Объединенного государственного архива Оренбургской области).

Нами изучено порядка полутора тысяч личных дел на лиц, включенных в номенклатуру на вторую половину 1930-х гг., т.е. на начальном этапе существования Оренбургской области (создана в декабре 1934 г.). В итоге было выявлено 57 дел на лиц, в чьих личных листках по учету кадров, где отмечалась «выполняемая работа с начала трудовой деятельности», присутствовала запись о работе в милиции. Мы полагаем, что имеющиеся дела можно рассматривать как естественную выборку, позволяющую делать некоторые наблюдения и выводы.

Обращение к документации номенклатуры в настоящее время имеет еще один важный аспект, связанный с появлением приказа Федерального архивного агентства № 38 от 20.03.2025 «Об утверждении порядка отнесения документов Архивного фонда Российской Федерации, хранящихся в государственных и муниципальных архивах, к документам, содержащим служебную информацию ограниченного распространения, а также снятия указанного ограничения». В изменившемся режиме выдачи доступ к подобного рода источникам теперь будет ощутимо затруднен.

Дело заводилось после включения работника в номенклатуру. На первой странице дела было так называемое «дополнение к личному листку по учету кадров». Там в таблице указывалась должность, которая делала работника номенклатурным, дата вступления в должность / ухода с должности, решение о вступлении в должность / оставление должности, основание записи. В номенклатуру работник милиции попадал, судя по имеющимся документам, когда назначался начальником райотдела или заместителем начальника. Возможны и варианты: человек уже был в номенклатуре и теперь был поставлен на милицейскую должность либо после службы в милиции стал номенклатурным работником, например секретарем райкома партии.

Важно указать, что в литературе распространено восприятие номенклатуры как «господствующего класса» Советского Союза – с

подачи М.С. Восленского, так определившего руководящую партийно-государственную прослойку в широко известной работе «Номенклатура» (1980)¹⁸. Его суждения были восприняты в нашей стране в период перестройки, а выводы распространены на более ранние периоды. Например, Н.В. Саранцев отсчитывал становление «большевистской властвующей элиты» с 1920–1930-гг.¹⁹. Неудивительно, что персоналии оренбургской партийной номенклатуры, как и любых иных регионов, воспринимались в соответствующем ключе. На это накладывались исследования о «выдвиженчестве» как кадровой политике 1930-х гг. и о «социальной мобилизации». Разграничения между этими тремя понятиями не проводил и не проводит никто; различия между ними также не привлекают внимания.

Ни в коем случае не вступая в дискуссию, полагаем важным указать, что «номенклатура» в толковании М.С. Восленского и солидарных с ним авторов – это прежде всего именно «элита», высшие уровни руководства. Конкретные лица, чьи дела мы изучали, никак не могут быть отнесены к таковым, но именовались именно так. Отсюда следует, что термин «номенклатура» в интересующий нас период означал несколько иное.

Есть мнение, что системной характеристикой сталинского режима на стадии его утверждения в межвоенный период были именно социальные мобилизации²⁰. При этом авторы сосредотачивают внимание на мобилизационных практиках, кампаниях, что вкупе со ставкой на трудящихся создавало почву для выводов об «орабочивании» и «окрестьянивании» аппарата. Еще на XII съезде партии И.В. Сталин озвучил свое понимание подбора людей: «Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие принять эти директивы как свои родные и умеющие их проводить в жизнь»²¹. Здесь налицо два момента: профессиональная подготовка и идейная надежность. Последняя была определяющей.

Анализ личных дел оренбургской номенклатуры второй половины 1930-х гг. показывает, что комсомольцев и коммунистов направляли на самые разные должности местные организации. Оренбургский комсомолец К. Мертенс вспоминал, что в 1932 г. был переведен из Оренбурга в Ленинград, где работал последовательно вагоновожатым трамвая, дежурным электриком, на селе секретарем волостного комитета комсомола, в уголовном розыске, секретарем парткома: «Везде, где я работал... я работал по решению и направлению партийных комитетов, Мне как-то секретарь укома ВКП(б) Миронов сказал, что я хорошая пробка, которая закрывает крепко каждую дыру, и вот так и перебрасывали – туда, где какая-либо заминка»²². Свой приход в милицию работники либо не объясняли вообще (предположим, что аргументация не требовалась), либо чаще все-

го писали кратко и безлико: «выдвинут», «продвинут», «назначен в порядке выдвижения», «поступил». Это создавало у последующих исследователей иллюзию добровольности выбора. Между тем, упоминания о самостоятельной инициативе перехода с работы на работу в автобиографиях встречаются крайне редко. В отдельных случаях уточнялось: «командирован райкомом», «по разверстке бывшего Оренбургского укома ВКП(б)», «райком послал», «по решению бюро РК был направлен на работу». Возможны были варианты: «партийная организация откомандировала», «профсоюз работников связи рекомендовал письмоносца Чурсина в РОМ [райотдел милиции]». Тем самым местные организации брали на себя ответственность за политическую благонадежность кандидата. Отсюда номенклатура 1930-х гг. включала в себя, прежде всего, кандидатуры, утвержденные партийными органами, на посты различных уровней.

С номенклатуры могли снять. Так, П.И. Рябенко в марте 1939 г. был назначен начальником Матвеевского районного отделения милиции, а 3 сентября 1939 г. снят с номенклатуры без объяснения причин и указаний о его дальнейшей деятельности²³. Можно достаточно ответственно сказать, что причиной не были репрессии, увольнение как наказание, в противном случае в деле обязательно бы присутствовала информация об этом, как и в случае ареста как врага народа. Человек продолжал работать, но потенциальным резервом на иные должности по скрытым причинам он перестал быть. Но мог быть и восстановлен: например, Ф.А. Дудкин был снят с номенклатуры 26 мая 1939 г., вновь принят 13 апреля 1943 г., причем он собственноручно указал, что «беспрерывно работал в органах ОГПУ–МГБ–МВД»²⁴. Иногда решение рекомендующих органов признавалось ошибочным: Н.И. Швецов по разверстке бывшего Оренбургского укома ВКП(б) был направлен младшим милиционером в Соль-Илецкий район, служил в 1924–1927 гг. и был уволен по собственному желанию²⁵.

Цель нашего исследования: используя просопографический метод, на основании документов, хранящихся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области, составить коллективный портрет работников милиции 1930-х годов. Для этого анализируются образовательный уровень, профессиональный стаж и партийная принадлежность оперативных и руководящих работников милиции Оренбургской области на начальном этапе ее организации во второй половине 1930-х гг.

Социально-демографические признаки работников милиции Оренбуржья второй половины 1930-х гг.: возраст и образование

Примерно 21% (12 чел.) родились во второй половине 1890-х гг., имели опыт военной службы периода Первой мировой войны.

Более половины общего числа (34 чел.) составляют родившиеся в 1900–1910-х гг.

Происхождение. В анкете требовалось указать сословие родителей: крестьяне – 28 чел. (в том числе особо указан «крестьянин-письмоводитель»), крестьяне-бедняки – 15 (особо: «батрак-пастух»), крестьяне-середняки – 1, просто хлебороб – 4 чел. Всего крестьяне – 84%, рабочие – 7 чел. (12%), служащие – 2 чел. (4%).

Партийность особой роли не играла, поскольку членство в партии составляло 100%, исключений не было; те, кто помоложе, были членами ВЛКСМ, но вскоре становились членами партии в первый же год службы.

Образование: низшее – 26 чел. (варианты ответов: 4 класса, приходская школа, «сельское», «сельская школа»; образование «нижнее», «низшее», «нижнее – ликбез в 1935–1938 гг.», «грамотный»), сюда же относим «незаконченное начальное» (6 мес., год, 2 года, 3 года) – 10 чел. Всего 36 чел., или 63%. Средняя школа: незаконченное среднее – 2, среднее – 8 чел., всего 10 чел., или 17,5%.

Обращает на себя внимание, что учившиеся 3 года и более обучались либо до революции, либо заканчивали обучение уже после революции.

С указанием «не окончил никаких» либо строка в анкете оставлена пустой – 4 чел., «самоучка» – 3 чел. (с вариантами: «самообразование за 5 классов», «в школе не учился, за 4 класс сельской школы путем самообразования»).

Тонкость в том, что образование некоторые указывали базовое, а некоторые – на момент заполнения анкеты во второй половине 1930-х гг. Явно для лучших показателей суммировали месяцы обучения, прибавляли месяцы: Так, например, Д.И. Шевалдин (1904 г.р.) прибавил 7 мес. обучения в 1934 г.²⁶. Плюсовались также различные курсы, пройденные в 1920-х, 1930-х гг. Г. М. Трофимов указывал «среднее образование», уточняя, что это в сумме «сельское» образование 1908–1912 гг. и школа взрослых 1934–1935 гг.²⁷. Г.Я. Филатов (1908 г.р.) учился в детстве 4 года; образование низшее, но прибавлял 6-й класс в 1938–1940 гг.²⁸. Иной вариант: Н.М. Чурсин (1900 г.р.) – сельская школа 1930–1931 гг., «рабфак на дому» (?)²⁹.

Оценка уровня образования: в графе знание языков – «слабо русский» (при этом в анкете указана национальность – русский), «грамотный», «самоучка», в графе «ученая степень» – «воинская».

Если попытаться дать обобщенный облик работника милиции, то получается следующая усредненная картина. Первоначальная работа: батрак, колхозник, затем служба в РККА. Некоторые перемены, порой достаточно неожиданные, не разъяснились. Так, А.А. Шанько после армии с 1923 по 1929 г. работал сапожником-куста-

рем в Минске, а с 1929 г. стал милиционером в Бугуруслане³⁰. Для фронтовиков Первой мировой типичен приход в милицию после возвращения с фронта или из плена. Здесь выбор достаточно понятен: если батрак или иная наемная сила – значит, без земли и своего хозяйства. Стать милиционером было вариантом: заработная плата, стаж и профессиональный опыт не нужны, шел в зачет опыт службы в РККА.

Социально-демографические признаки работников милиции Оренбуржья второй половины 1930-х годов: дополнительное и профессиональное образование

Очередность должностей также схожая: младший милиционер, участковый, инспектор, уполномоченный (старший уполномоченный, оперуполномоченный), начальник райотдела РКМ (рабоче-крестьянской милиции). Инспектора давали после обучения в школе или на курсах – в целях повышения уровня профессиональной подготовки. Изучение учебных заведений, отмеченных в личных делах, а также сроков обучения в них позволяет сделать несколько наблюдений. Прежде всего, получение профессиональной подготовки было, без сомнения, обязательным условием. Не получившие таковой находились под угрозой увольнения. В качестве примера: П.И. Рябченко пришел в милицию после армии, с 1933 по 1938 г. был участковым инспектором в сельской местности, в дальнейшем уволен³¹.

С конца 1920-х гг. обучение шло преимущественно в Куйбышеве – центре Средне-Волжской области. Все, кто работал на территории округов, позднее вошедших в состав Оренбургской области (Оренбургский, Бузулукский, Бугурусланский), учились там в краевой школе среднего комсостава. После создания Оренбургской области была организована краевая школа среднего комсостава в Оренбурге. В этот период оренбуржцы также обучались в Ленинграде – в школе среднего комсостава (1932–1933) и школе старшего комсостава (1935–1938), а также в Москве – в заочной центральной школе милиции (1938–1940).

Все упомянутые выше авторы, касавшиеся вопроса милицейского образования, безусловно, писали о курсах милицейского профиля. Тем показательнее, что в некоторых биографиях упоминается об обучении в школах иного типа, что, тем не менее, все равно давало возможность карьерного роста: военно-краевая школа физического образования (1922–1924), профессионально-техническая школа в Куйбышеве (1923–1925), военная школа спорта в Ленин-

граде (1921–1922) (с добавлением обучения в 18-й пехотной школе РККА в Оренбурге, 1923–1925). Это второй показательный момент. Выходит, определяющим было не обучение в профильной школе, но сам факт обучения. Отбор в подобные школы происходил на основе проверки идейной надежности, то же продолжалось и в процессе обучения.

Обнаруживается, что некоторым отсутствие обучения никак не мешало занимать высокие должности. Так, И.В. Чуркин (1899 г.р.) в милиции с 1932 г., в 1933–1934 гг. был начальником райотдела в Оренбургской области, с 1934 г. – заместитель начальника милиции Сталинградского края, в дальнейшем – заместитель начальника РКМ Курской области. При этом имел полученное до революции образование 4 класса, никаких профильных школ. По всей видимости, последнее для него не было необходимостью, поскольку должны были гарантии его идейной надежности давали факты биографии: служба в войсках ЧОН в 1919–1920 гг. (борьба против Махно и Антонова), затем в губЧК, уполномоченный ОГПУ по уезду в 1922–1928 гг., начальник горотдела ГПУ (1930–1932)³². Об участии в борьбе с контрреволюцией в автобиографиях сообщалось обязательно. Так, И.М. Ярмоц особо отмечал, что 17–19 июля 1918 г. принимал участие в подавлении восстания в Ярославле как старший милиционер, за что в дальнейшем был рекомендован Ярославским горкомом партии в ОГПУ³³.

Из общего числа можно выделить небольшое число тех, для кого работа в милиции оказалась эпизодом биографии. Вероятно, это были те, кто не справлялся с обязанностями; но таковые фиксировались только в 1920-х гг.: после увольнения в 1927 г. И.И. Швецов работал стрелочником на станции³⁴; С.М. Ширанков – с 1929 г. кладовщиком в совхозе³⁵; С.В. Яковлев – с 1922 г. стал батраком, но в дальнейшем являлся председателем колхоза³⁶.

Проводимая в стране до середины 1930-х гг. кадровая политика, помимо прочего, допускала ускоренное разрешение кадрового вопроса: на освободившуюся по какой-либо причине номенклатурную должность срочно перебрасывали человека с иной номенклатурной. При этом круг профессиональных обязанностей явно не учитывался: например, редактора районной газеты направляли секретарем райкома партии. Аргументации подобных решений не производилось; поэтому мы можем только поделить на наблюдением, что в большинстве случаев для переводимого на новую должность работника это было, вероятнее всего, повышением. Из рассматриваемой группы работников милиции в райком партии было переведено 2 чел, в райком комсомола – 1, в директора завода – 1, в НКВД – 2, прокурором – 3 чел., судьей – 12 (всего 37%).

О качествах, которые в реальности требовались от работников, можно узнать из прилагаемых к делам характеристик. Разумеется, отдельные оценки различались, но параметры оценок были едины. Вот в качестве иллюстрации одна характеристика: «Член ВКП(б) с 1939 года, политически развит, идеологически устойчив, к выполнению партпоручений, общественных заданий относится добросовестно, повышает общеобразовательный и политический уровень и изучает краткий курс истории ВКП(б), дисциплинированный, усидчив, за истекший 1939 год по агентурным разработкам и донесениям арестовал 22 чел., формуляров и агентурных дел 11, сам работать может, мало требователен к подчиненным, недостаточно осуществляет руководство линейным Отделением по борьбе с уголовно-преступным элементом»³⁷.

Репрессии 1937-го года в судьбах работников милиции Оренбуржья

Картина будет неполной без упоминания о репрессиях 1937 года. В составе изученного контингента репрессированных нет. Напротив, есть факты награждений: Г.Т. Щекину в 1937 г. «за четкое проведение особого оперативного задания» была объявлена благодарность и выдано денежное вознаграждение³⁸; М.И. Шмарину «за четкое исполнение задания объявлена благодарность»³⁹.

Обращают на себя внимание случаи назначения начальниками райотделов – причины не разъяснились; вероятно, это было вызвано необходимостью занятия освободившейся высшей должности. Стоит обратить внимание на даты: Н.М. Чурсин в 1934–1938 г. был уполномоченным, стал начальником райотдела⁴⁰; аналогично А.Я. Цупко⁴¹; служивший в паспортном столе В.П. Решинский с августа 1937 г. становится его начальником⁴²; П.И. Рябченко, несколько лет бывший участковым инспектором в сельской местности, в 1938 г. становится уполномоченным уголовного розыска, а на следующий год – начальником райотдела⁴³; точно так же из уполномоченного начальником райотдела стал И.М. Саманков⁴⁴; М.К. Тимофеев, три года бывший начальником паспортного стола, с января по август 1938 г. – уполномоченный, а с августа – начальник райотдела⁴⁵; Г.Н. Юнцов через несколько месяцев после учебы в марте 1938 г. сразу возглавил райотдел⁴⁶.

Некоторые поднимались по служебной лестнице еще успешнее: так, А.И. Хивинцев был участковым инспектором, с 13 ноября 1937 г. по 15 февраля 1938 г. – начальником райотдела, а затем назначен

заместителем начальника особой инспекции в областном центре⁴⁷; сходным образом М. С. Савров, служивший в милиции с 1919 г., к 1937 г. стал только уполномоченным уголовного розыска, но затем на четыре месяца (апрель – август 1937 г.) – оперуполномоченным при управлении РКМ, а затем начальником 1 отд. Дорожнотдела⁴⁸. Не менее эффектен взлет у Г.А. Филатова: восемь лет был участковым, в мае 1937 г. перемещен в аппарат областного управления БХСС, с 1939 г. – начальник агентурного отделения ОБХСС РКМ. В 1940 г. окончил заочно центральную школу милиции в Москве, в 1947 г. стал заместителем начальника областного управления по политчасти⁴⁹.

Итогом изучения личных дел работников милиции указанного региона и временного периода является установление факта, что основными характеристиками коллективного портрета работника милиции можно считать невысокий образовательный уровень и небольшой профессиональный опыт. Это компенсировалось партийной принадлежностью, игравшей в советской системе ключевую роль при назначении на должности.

Показатели профессионализма среднестатистического работника милиции области оказались ниже аналогичных показателей по стране. Объясняется это прежде всего кадровым голодом: созданная из трех округов бывшего Средне-Волжского края новая область была в итоге поделена на 52 района, и необходимо было создать как минимум 52 аппарата районной милиции, не считая городских и областного. Возможности быстро решить вопрос подготовки работников не было. Констатация отсутствия должной подготовки у кадров, пришедших в милицию во второй половине 1930-х гг., подводит к выводу, что имевшийся у них уровень образования считался достаточным для исполнения служебных обязанностей.

При определении работников в номенклатуру определяющими являлись два момента: профессиональная подготовка и идейная надежность. Последняя была решающим фактором, извиняющим недочеты первого. Поэтому работники милиции использовались как кадровый резерв для выдвижения на более высокие и более ответственные должности в прокуратуре, судах, партийных и комсомольских органах.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. Злобин Ю.П. Актуальные вопросы истории правоохранительных органов Оренбуржья // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5 (141). С. 10–18; Игишева Е.А. Современная

историография деятельности правоохранительных органов на Урале в 1920-е гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2008. Вып. 16. № 59. С. 75–83; Токарева С.Н. Советская рабоче-крестьянская милиция 1920-х – 1930-х годов: к историографии вопроса // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 117–137.

2. История Управления внутренних дел Оренбургской области: 200 лет МВД России / науч. ред. и сост. Д.А. Сафонов. Оренбург : Оренбургская губерния, 2002. 345 с.; Милиция Челябинской области, 1802–2002: страницы истории / сост.-ред. Д.В. Смирнов. Челябинск: Каменный пояс, 2002. 446 с.; Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность: материалы науч.-практ. конф. 20 апреля 2000 г. Оренбург : [б. и.], 2000. 210 с.; Третий век на страже порядка: Очерки истории оренбургской милиции / сост. и науч. ред. Д.А. Сафонов. Оренбург: Оренбургская губерния, 2005. 416 с.

3. Исаков В.М. Формирование органов милиции советского государства в условиях многоукладной экономики (1917–1930 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 18–24; Мухамедов Р.А., Чигирин М.В. Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 2. С. 33–42; Орнацкая Т.А. Кадровая политика в правоохранительных органах (на примере советской милиции Дальнего Востока в 1920–1930-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 441–449 и др.

4. Иванов К.Д., Седунов А.В. Кадровый состав правоохранительных органов на Северо-Западе России в 1920-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26) С. 92–96; Мигущенко О.Н. Чистка милиции в 20–30-е годы XX в. // История государства и права. 2011. № 15. С. 32–36; Надькин Т.Д., Шишулина Т.П. Проблема обеспечения кадрами органов внутренних дел Мордовии в 1930-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 845–850; Проккиев Е.В., Русаков В.К. Исторические подходы к вопросу подготовки руководящих кадров органов внутренних дел в период становления советской милиции 1917–1930 годов // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 4. С. 580–585; Шишулина Т.П. Влияние политики государства на формирование кадрового состава региональной милиции в 1930-е гг. (на примере милиции Мордовии) // Юридические исследования. 2022. № 8. С.12-26.

5. Мухамедов Р.А., Чигирин М.В. Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 2. С. 33–42.

6. Салмина С.Ю. Кадровая политика южноуральской милиции в

- годы нэпа // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1. № 5 (19). С. 6–7.
7. Надькин Т.Д., Шишулина Т.П. Проблема обеспечения кадрами органов внутренних дел Мордовии в 1930-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 845–850.
8. Жамбровский В.М. Становление кадровых аппаратов советской милиции в 1920–1930-е гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2 (3). С. 235–239.
9. Орнацкая Т.А. Кадровая политика в правоохранительных органах (на примере советской милиции Дальнего Востока в 1920–1930-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 441–449
10. Зайцева Ю.Д. Выдвиженчество и чистка как способы осуществления общественного контроля за милицией в 1920–1930 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 86–89.
11. Орнацкая Т.А. С. 449.
12. Орнацкая Т.А. С. 441.
13. Салмина С.Ю. Кадровая политика южноуральской милиции в годы нэпа // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1. № 5 (19). С. 20.
14. Камалова Г.Т. Эволюция кадрового состава милиции Урала в контексте нэпа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 6. С.13.
15. Камалова Г.Т. С. 15.
16. Камалова Г.Т. С. 15.
17. Камалова Г.Т. С. 15.
18. Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза / предисл. М. Джиласа. 1-е сов. изд. М.: Октябрь: Советская Россия, 1991. 622, [1] с.
19. Саранцев Н.В. Большевистская властвующая элита: возникновение, становление и трансформация. 1900–1939: Историко-социологические аспекты / под ред. В.Д. Полищука. Саратов: СГСЭУ, 2001. 260 с.
20. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / Н.Б. Арнаутов, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А. Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С. Н. Ушакова, О.В. Шер; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. С.2.
21. Стенографический отчет: 17–25 апреля 1923 г. / Российская Коммунистическая партия (большевиков), Двенадцатый Съезд РКП(б). М.: Красная новь, 1923. С.56.
22. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее - ОГАОО). Ф. 6002. Оп. 1. Д. 543. Л. 11 об..
23. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 398.
24. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 30. Д. 488. Л. 3 об.
25. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3306.
26. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3173.
27. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 2037.

28. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 2458.
29. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3134.
30. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3208.
31. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 398.
32. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3143.
33. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3870. Л. 8.
34. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3375.
35. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3441.
36. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3821.
37. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 485. Л. 10 об.
38. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3622. Л. 8.
39. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3514. Л. 13.
40. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 3134.
41. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 2829.
42. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 150.
43. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 393.
44. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 569.
45. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 1803.
46. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 1938.
47. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 2685. Л. 7 об.
48. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 485.
49. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 2458.

Исследования

1. Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза / предисл. М. Джиласа. 1-е сов. изд. М.: Октябрь: Советская Россия, 1991. 622, [1] с.

2. Жамбровский ВМ. Становление кадровых аппаратов советской милиции в 1920–1930-е гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2 (3). С. 235–239.

3. Зайцева Ю.Д. Выдвиженчество и чистка как способы осуществления общественного контроля за милицией в 1920–1930 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 86–89.

4. Злобин Ю.П. Актуальные вопросы истории правоохранительных органов Оренбуржья // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5 (141). С. 10–18.

5. Иванов К.Д., Седунов А.В. Кадровый состав правоохранительных органов на Северо-Западе России в 1920-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26) С. 92–96.

6. Игишева Е.А. Современная историография деятельности правоохранительных органов на Урале в 1920-е гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 16. № 59. С. 75–83.

7. Исаков В.М. Формирование органов милиции советского государства в условиях многоукладной экономики (1917–1930 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 18–24.

8. История Управления внутренних дел Оренбургской области: 200 лет МВД России / науч. ред. и сост. Д.А. Сафонов. Оренбург : Оренбургская губерния, 2002. 345 с.

9. Камалова Г.Т. Эволюция кадрового состава милиции Урала в контексте нэпа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 6. С. 10–16.

10. Мигущенко О.Н. Чистка милиции в 20–30-е годы XX в. // История государства и права. 2011. № 15. С. 32–36.

11. Милиция Челябинской области, 1802–2002: страницы истории / сост.-ред. Д.В. Смирнов. Челябинск: Каменный пояс, 2002. 446 с.

12. Мухамедов Р.А., Чигирин М.В. Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 2. С. 33–42. DOI: 10.37482/2687-1505-V418.

13. Надькин Т.Д., Шишулина Т.П. Проблема обеспечения кадрами органов внутренних дел Мордовии в 1930-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 845–850.

14. Орнацкая Т.А. Кадровая политика в правоохранительных органах (на примере советской милиции Дальнего Востока в 1920–1930-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 441–449.

15. Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания / Гос. акад. сферы быта и услуг. М.: ГАСБУ, 1998. 225 с.

16. Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность: материалы науч.-практ. конф. 20 апреля 2000 г. Оренбург: [б. и.], 2000. 210 с.

17. Проккиев Е.В., Русаков В.К. Исторические подходы к вопросу подготовки руководящих кадров органов внутренних дел в период становления советской милиции 1917–1930 годов // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 4. С. 580–585.

18. Салмина С.Ю. Кадровая политика южноуральской милиции в годы нэпа // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1. № 5 (19). С. 6–7.

19. Саранцев Н.В. Большевистская властвующая элита: возникновение, становление и трансформация. 1900–1939: Историко-социологические аспекты / под ред. В. Д. Полищука. Саратов: СГСЭУ, 2001. 260 с.

20. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л. И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. 419 с.

21. Стенографический отчет: 17–25 апреля 1923 г. / Российская Коммунистическая партия (большевиков), Двенадцатый Съезд РКП(б). М. : Красная новь, 1923. 705 с.

22. Токарева С.Н. Советская рабоче-крестьянская милиция 1920-х – 1930-х годов: к историографии вопроса // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 117–137.

23. Третий век на страже порядка: Очерки истории оренбургской милиции / сост. и науч. ред. Д.А. Сафонов. Оренбург: Оренбургская губерния, 2005. 416 с.

24. Шишулина Т.П. Влияние политики государства на формирование кадрового состава региональной милиции в 1930-е гг. (на примере милиции Мордовии) // Юридические исследования. 2022. № 8. С. 22-26.

25. Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза / предисл. М. Джиласа. 1-е сов. изд. М.: Октябрь: Советская Россия, 1991. 622, [1] с.

26. Жамбровский В.М. Становление кадровых аппаратов советской милиции в 1920–1930-е гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2 (3). С. 235–239.

27. Зайцева Ю.Д. Выдвиженчество и чистка как способы осуществления общественного контроля за милицией в 1920–1930 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 86–89.

28. Злобин Ю.П. Актуальные вопросы истории правоохранительных органов Оренбуржья // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5 (141). С. 10–18.

29. Иванов К.Д., Седунов А.В. Кадровый состав правоохранительных органов на Северо-Западе России в 1920-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26) С. 92–96.

30. Игишева Е.А. Современная историография деятельности правоохранительных органов на Урале в 1920-е гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 16. № 59. С. 75–83.

31. Исаков В.М. Формирование органов милиции советского государства в условиях многоукладной экономики (1917–1930 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 18–24.

32. Камалова Г.Т. Эволюция кадрового состава милиции Урала в контексте нэпа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 6. С. 10–16.

33. Мигущенко О.Н. Чистка милиции в 20–30-е годы XX в. // История государства и права. 2011. № 15. С. 32–36.

34. Мухамедов Р.А., Чигирин М.В. Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 2. С. 33–42. DOI: 10.37482/2687-1505-V418.

35. Надькин Т.Д., Шишулина Т.П. Проблема обеспечения кадрами органов внутренних дел Мордовии в 1930-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 845–850.

36. Орнацкая Т.А. Кадровая политика в правоохранительных

органах (на примере советской милиции Дальнего Востока в 1920–1930-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 441–449.

37. Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания / Гос. акад. сферы быта и услуг. М.: ГАСБУ, 1998. 225 с.

38. Проккиев Е.В., Русаков В.К. Исторические подходы к вопросу подготовки руководящих кадров органов внутренних дел в период становления советской милиции 1917–1930 годов // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 4. С. 580–585.

39. Салмина С.Ю. Кадровая политика южноуральской милиции в годы нэпа // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1. № 5 (19). С. 6–7.

40. Саранцев Н.В. Большевицкая властвующая элита: возникновение, становление и трансформация. 1900–1939: Историко-социологические аспекты / под ред. В. Д. Полищука. Саратов: СГСЭУ, 2001. 260 с.

41. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / Н.Б. Арнаутков, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. 419 с.

42. Токарева С.Н. Советская рабоче-крестьянская милиция 1920-х – 1930-х годов: к историографии вопроса // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 117–137.

43. Шишулина Т.П. Влияние политики государства на формирование кадрового состава региональной милиции в 1930-е гг. (на примере милиции Мордовии) // Юридические исследования. 2022. № 8. С. 22-26.

Автор, аннотация, ключевые слова

Сафонов Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия).

ORCID: 0000-0003-0882-4592

d_safonov@mail.ru

Статья представляет опыт составления социально-демографического портрета работников милиции 1920-х – 1930-х годов одного конкретного провинциального региона. Источниковую базу составили ранее не используемые исследователями личные дела партийной номенклатуры 1935–1939 годов по Оренбургской области. Данные автобиографий, а также анкет послужили основой для создания базы данных, позволившей проанализировать их основные социографические характеристики. Представленные результаты сопоставительного анализа позволили сделать ряд выводов, допустимых и для иных провинциальных областей РСФСР

указанного периода. Автор акцентирует внимание на том, что работа милиции рассматривалась, прежде всего, как политическая. Включение работника в номенклатуру в те годы означало, прежде всего, гарантии идейной надежности и затем наличие профессиональной подготовки. Именно поэтому работники милиции использовались как кадровый резерв для выдвижения людей на должности в прокуратуре, судах, а также райкомах партии. Автор приходит к выводу, что уровень образования и подготовки кадров, пришедших в милицию во второй половине 1930-х годов, был вполне достаточным для исполнения служебных обязанностей.

Милиция, кадры, кадровая политика, номенклатура, социально-демографический портрет.

Author, Abstract, Keywords

Dmitry A. Safonov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Tambov State Technical University (Tambov, Russia).

ORCID: 0000-0003-0882-4592

d_safonov@mail.ru

This article presents an attempt to construct a socio-demographic profile of police officers in a provincial region during the 1920s and 1930s. The source base consists of personal files from the nomenclature of the years 1935–1939 pertaining to the Orenburg region. Data derived from autobiographies and questionnaires served as the foundation for creating a database that enabled the analysis of their primary sociographic characteristics. The results of the comparative analysis allow for several conclusions that are applicable to other provincial areas of the RSFSR during the specified period. The author emphasizes that the work of police was primarily viewed as political. Inclusion in the nomenclature during this period primarily meant guarantees of ideological reliability and professional training. For this reason, police officers were used as a personnel reserve for positions in the prosecutor's office, courts, and district party committees. It has been demonstrated that the level of education and training of personnel who joined the police in the second half of the 1930s quite sufficient to perform their official duties.

Police, personnel, personnel policy, nomenclature, socio-demographic portrait.

References (Articles from Scientific Journals)

1. *ZHambrovskij V.M.* Stanovlenie kadrovyyh apparatov sovetskoy milicii v 1920–1930-e gg. (Formation of the Personnel Apparatus of the Soviet Militia in the 1920s-1930s) *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute*, 2007, no. 2 (3), pp. 235–239. (in Russian)

2. *Zajceva YU.D.* Vydvizhenchestvo i chistka kak sposoby

osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya za miliciej v 1920–1930 gg. (Promotion and Purges as Methods of Implementing Public Control over the Militia in the 1920s-1930s) *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 22, pp. 86–89. (in Russian)

3. Zlobin YU.P. Aktual'nye voprosy istorii pravoohranitel'nyh organov Orenburzh'ya (Current issues in the history of law enforcement agencies in the Orenburg region) *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 5 (141), pp. 10–18. (in Russian)

4. Ivanov K.D., Sedunov A.V. Kadrovyy sostav pravoohranitel'nyh organov na Severo-Zapade Rossii v 1920-e gody (Personnel of law enforcement agencies in the North-West of Russia in the 1920s) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2005, no. 2 (26), pp. 92–96. (in Russian)

5. Igisheva E.A. Sovremennaya istoriografiya deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov na Urale v 1920-e gg. (Modern historiography of the activities of law enforcement agencies in the Urals in the 1920s) *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2008, Issue 16, no. 59, pp. 75–83. (in Russian)

6. Isakov V.M. Formirovanie organov milicii sovetskogo gosudarstva v usloviyah mnogoukladnoj ekonomiki (1917–1930 gg.) (Formation of the Militia Bodies of the Soviet State in the Context of a Mixed Economy (1917–1930)) *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, no.12, pp. 18–24. (in Russian)

7. Kamalova G.T. Evolyuciya kadrovogo sostava milicii Urala v kontekste nepa (Evolution of the Personnel of the Ural Militia in the Context of the NEP). *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 6, pp. 10–16.

8. Migushchenko O.N. CHistka milicii v 20–30-e gody HKH v. (Militia Purge in the 1920s-1930s) *Istoriya gosudarstva i prava*, 2011, no. 15, pp. 32–36. (in Russian)

9. Muhamedov R.A., CHigirin M.V. Kadrovaya politika i material'noe obespechenie organov sovetskoj milicii v Srednem Povolzh'e v 1917–1922 godah (Personnel Policy and Material Support of the Soviet Militia in the Middle Volga Region in 1917-1922) *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, 2025, v. 25, no. 2, pp. 33–42. (in Russian)

10. Nad'kin T.D., SHishulina T.P. Problema obespecheniya kadrami organov vnutrennih del Mordovii v 1930-e gg. (The Problem of Providing Personnel to the Internal Affairs Agencies of Mordovia in the 1930s) *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 845–850. (in Russian)

11. Ornackaya T.A. Kadrovaya politika v pravoohranitel'nyh organah (na primere sovetskoj milicii Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody) (Personnel Policy in Law Enforcement Agencies (Based on the Example of the Soviet Militia of the Far East in the 1920s-1930s) *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2016, no. 4, pp. 441–449. (in Russian)

12. Prokkiev E.V., Rusakov V.K. Istoricheskie podhody k voprosu podgotovki rukovodyashchih kadrov organov vnutrennih del v period stanovleniya sovetskoj milicii 1917–1930 godov (Historical Approaches

to the Issue of Training Senior Personnel of Internal Affairs Bodies during the Formation of the Soviet Militia in 1917-1930) *CHelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2017, vol. 25 (1-4), no. 4, pp. 580-585. (in Russian)

13. *Salmina S.YU.* Kadrovaya politika yuzhnoural'skoj milicii v gody nepa (Personnel Policy of the South Ural Militia during the NEP Years) *Otechestvennaya yurisprudenciya*, 2017, vol. 1, no. 5 (19), pp. 6-7. (in Russian)

14. Tokareva S. N. Sovetskaya raboche-krest'yanskaya miliciya 1920-h – 1930-h godov: k istoriografii voprosa (Soviet Workers' and Peasants' Militia of the 1920s-1930s: Toward a Historiography of the Issue) *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 2020, no. 3, pp. 117-137. (in Russian)

15. *SHishulina T.P.* Vliyaniye politiki gosudarstva na formirovaniye kadrovogo sostava regional'noj milicii v 1930-e gg. (na primere milicii Mordovii) (The influence of state policy on the formation of the personnel of the regional police in the 1930s (using the Mordovia police as an example)) *YUridicheskie issledovaniya*, 2022, no. 8, pp. 22-26. (in Russian)

(Monographs)

16. *Voslenskij M.S.* Nomenklatura: Gospodstvuyushchij klass Sovetskogo Soyuza (Nomenclature: The Ruling Class of the Soviet Union). M.: Oktyabr': Sovetskaya Rossiya, 1991. . (in Russian)

17. *Istoriya Upravleniya vnutrennih del Orenburgskoj oblasti: 200 let MVD Rossii* (History of the Orenburg Region Department of Internal Affairs: 200 Years of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Orenburg: Orenburgskaya guberniya, 2002. (in Russian)

18. *Miliciya CHelyabinskoj oblasti, 1802-2002: stranicy istorii* (Militia of the Chelyabinsk Region, 1802-2002: Pages of History). Chelyabinsk: Kamenny Poyas, 2002. (in Russian)

19. *Pashin V.P., Sviridenko YU.P.* Kadry kommunisticheskoy nomenklatury: metody podbora i vospitaniya (Cadres of the Communist Nomenclature: Methods of Selection and Training) M.: GASBU, 1998. (in Russian)

20. *Sarancev N.V.* Bol'shevistskaya vlastvuyushchaya elita: vozniknovenie, stanovlenie i transformaciya. 1900-1939: Istoriko-sociologicheskie aspekty (The Bolshevik Ruling Elite: Emergence, Formation, and Transformation. 1900-1939: Historical and Sociological Aspects)/ Saratov : SGSEU, 2001. (in Russian)

21. *Social'naya mobilizaciya v stalinskom obshchestve (konec 1920-h – 1930-e gg.)* (Social Mobilization in Stalin's Society (Late 1920s - 1930s)) Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2013. (in Russian)

22. *Tretij vek na strazhe poryadka: Ocherki istorii orenburgskoj milicii* (Third Century Guarding Order: Essays on the History of the Orenburg Militia). Orenburg : Orenburgskaya guberniya, 2005. (in Russian)